Н.Е. Таркан

ПОЭТИКА ПРОСТРАНСТВА В ЛИРИКЕ Н. ГУМИЛЕВА

В пространственной системе Н. Гумилева в качестве основной можно выделить оппозицию «верх-низ», содержание которой составляют такие универсалии, как небо-земля, высоты-бездны, небо-подземное царство и др.

Чаще всего земной топос у Гумилева представляет собой область искушения и, соответственно, рождает идею искупления во имя высшего идеала. В ряде ранних стихотворений поэта эта особенность проявляется наиболее полно («В лесу, где часто по кустам», «Когда ж вечерняя заря» и др.). В центре авторского внимания – человеческая грешная душа, томящаяся в тисках земного бытия. Отсюда – взаимообусловленность пространства и времени: «Но Дня великого покров / Не для твоих бессильных крылий...»; «*Ночная, тёмная пора/ Тебе дарит свою усладу*» [1; 59]. Время Дня здесь – символ вечной

жизни и, соответственно, проекция спасения. Именно поэтому вера помогает героям Гумилева принимать мир как данность и избегать опасных искушений: «Но тих был взгляд моих очей, / И сердце ждущее *спокойно*, / Могло ль прельститься целью стройной/ Светло чарующих речей?» («Рассказ девушки») [1; 49].

Земля в поэтическом мире Гумилева может рассматриваться как абсолютно замкнутое пространство («Цветы поют свой гимн лесной», «Когда из темной бездны жизни», «Русалка», «Осень»). Это обусловлено репрезентацией его как сказочного, населенного дриадами, русалками и гномами: «Цветы поют свой гимн лесной,/ Детям и ласточкам знакомый,/ И под развесистой сосной / Танцуют маленькие гномы» [1; 62]. Земной топос представлен как единственно существующий, поэтому все действия населяющих его существ воспринимаются как творимая на глазах у читателя мистерия жизни.

Мир земли представлен номинацией *любовь*. Именно это чувство является символом воскресения. Пантеистическое растворение героя в земном пространстве оказывается связанным с линией жизни: «И я *раскинулся цветами*,/ Прозрачным *блеском* звонких *струй*,/ Чтоб ароматными устами/ Земным вернуть их поцелуй» («Когда из темной бездны жизни») [1; 71]. В созданном поэтом мире демиургом становится любовь, выполняющая творящую функцию.

Стихотворение «Credo» открывает мотив странничества: «Откуда я пришел, не знаю.... / Не знаю я, куда уйду / Когда победно отблистаю/ В моем *сверкающем саду*» [1; 42]. Расширение пространственных параметров связано с освоением героем границ дня и ночи («Мне *все* открыто в этом мире – / И ночи тень, и солнца свет» [1; 42]). Его бытие подается как независимое по отношению к Богу. Интересно, что в самом стихотворении нет ни одного конкретного упоминания о Боге. Пространство «сверкающего сада» лишь контекстуально воспринимается как место рая: «Я знаю, там звенело пенье / Перед *престолом* красоты, / Когда сплетались, как виденья, / *Святые* белые цветы» [1; 42].

Продвижение вверх по вертикальной оси связано с творящей функцией самого лирического «я»: «Всегда живой, всегда могучий./

Влюбленный в чары красоты./ И вспыхнет радуга созвучий / Над царством вечной пустоты» [1; 43]. Подобно Богу, человек-творец, создает новое пространство силой слова («радуги созвучий»).

В поэтической модели мироздания лирический герой Гумилева может занимать место наравне с богами: «Иногда я бываю печален./ Я забытый, покинутый бог...» («Иногда я бываю печален») [1; 76]).

Связующим звеном между горными высями и пространством земли становится мотив жертвы: «Брат усталый и бледный, трудися!/ Принеси себя в жертву земле./ Если хочешь, чтоб горные выси / Загорелись в полуночной мгле» [1; 76]. Мотив жизни как жертвы актуализирует идею крестной жертвы Христа: «Жертвой будь голубой, предрассветной.../ В темных безднах беззвучно сгори.../ И ты будешь Звездой Обетной./ Возвещающей близость зари» [1; 76]. Феномен огня в данном случае воспринимается как стимул к вечной жизни через гибель.

Бездны в поэтическом мире Гумилева ассоциируются с миром подземным и представлены различными номинациями: глубины пещер, мировой колодец, морские пучины. Например, в «Балладе» продвижение героя вниз по вертикальной оси, в «глубины пещер» можно трактовать как стремление к познанию собственного бытия и мироздания посредством личного опыта. Номинация *мировой колодец*, связанная с образом бездны, символизирует движение вниз человека по вертикальной оси мироздания, т.е. инволюцию. Гумилев связывает воедино два процесса – созидания как познания и падения (инволюции): «Созидающий башню сорвется, / Будет страшен стремительный лет, / И на дне мирового колодца / Он безумье свое проклянет» [1; 90], причем падение является логическим следствием созерцания.

Таким образом, пространство у Гумилева ассоциируется со стремлением к Богу, Абсолюту. Земное пространство зачастую расценивается как область искушения, однако земля и небо у поэта – идеальная модель мироустройства.

Литература

1. Гумилев, Н.С. Лирика / Н.С. Гумилев. – М., 2005.